

Чернобыльский доброволец

Два десятка лет минуло со времени чернобыльской катастрофы, а мозырянин Василий Степанович Ильюк и сегодня до мелочей помнит события, непосредственным участником которых ему довелось быть. Он из числа тех ликвидаторов, кто находился на переднем крае борьбы с атомной стихией. В то время 23-летний курсант третьего, последнего курса Львовского пожарно-технического училища и другие его товарищи не подозревали, какое сложное и рискованное задание они выполняли.

— Днем 29 сентября 1986 года построили все три наших дивизиона, и командир объявил, что нужны девять добровольцев для отправки в чернобыльскую зону. Вперед шагнул весь строй. Среди девятерых отобранных ребят был и я — вспоминает Василий Степанович. — Назавтра утром прилетели в киевский аэропорт, оттуда автомобилем на военный аэродром. Снова полет, на вертолете, который приземлился в поле, в нескольких километрах от Чернобыльской АЭС. Там нас дожидались десять таких же добровольцев из Харьковского пожарного училища. До станции добрались на автобусе. Встретил нас главный инженер ЧАЭС, который и объяснил ситуацию. Говорил он с трудом, осипшим голосом — похоже, щитовидка была уже сильно поражена.

Нам предстояло очистить от радиоактивного мусора смотровые площадки вентиляционной трубы четвертого блока. Труба высотой в полторы сотни метров и несколько метров в диаметре имела по периметру, на разной высоте, четыре смотровые площадки, густо усыпанные осколками графита, попавшего туда после взрыва. Почему, чтобы выполнить эту работу, понадобились пожарные? Забраться на такую высоту не каждый сможет. Нужны были люди сильные, выносливые, не боящиеся высоты.

Накануне, 30 сентября, двое курсантов-харьковчан водрузили на трубе флаг СССР. Он, как нам объяснили, символизировал "победу" над разбушевавшейся атомной стихией. Насколько ребята рисковали, можно судить по тому, что индивидуальные дозиметры их попросту "сгорели". Но основную работу нам всем предстояло выполнить назавтра, 1 октября. Для чего поднялись на крышу четвертого аварийного блока, миновав по нарастающей три зоны опасности. По двое мы должны были быстро взобраться на смотровые площадки и лопатами сбрасывать мусор в отверстие реактора. "Спецодежду" соорудили сами — с трудом гнущиеся свинцовые листы с отверстием для головы, скрепленные по бокам шпагатом, защищали нас только до пояса. Да еще марлевые респираторы-лепестки. В таком облачении подниматься по лестнице было крайне неудобно. Непосредственно на работу каждой "двойке" отводилось по десять минут. Поднимались и спускались по звуку сирены. Я оказался в четвертой двойке с парнем-

украинцем. Нам предстояло очистить вторую площадку, пострадавшую больше других — на ней не осталось ограждения, и надо было работать очень осторожно, чтобы не упасть вниз.

После того как задание было выполнено, у нас забрали индивидуальные дозиметры. Сколько рентген они показывали, для нас осталось неизвестным. Проверить это можно было с помощью специального прибора. Но всем нам выдали справки, что уровень облучения каждого равен 22 рентгенам. Потом помывка в душе, куда некоторых, измерив излучение, возвращали по нескольку раз, чтобы "смыть радиацию".

После перед строем генерал объявил нам благодарность от имени советского и украинского правительств и вручил благодарственные письма от Президиума Верховного Совета УССР. Вспоминаются столь же скорое возвращение в Киев, экскурсия по городу, три недели обследования и лечения в госпитале МВД Украины. Как оказалось, большинство его пациентов — ликвидаторы, которые провели в "зоне" от нескольких недель до нескольких месяцев. Было среди них немало тяжелобольных людей, некоторые умирали. С нашими ребятами тогда, похоже, все обошлось более или менее благополучно. Не знаю, как сложились их судьбы. Спустя почти год мы разъехались по распределению в разные уголки бывшего Союза. Этой весной собираемся встретиться во Львове. Все ли приедут?

Остается добавить, что, еще будучи курсантом, Василий Ильюк был награжден медалью "За отвагу на пожаре". Сейчас он в звании майора служит в Мозырском горрайотделе по чрезвычайным ситуациям.

Л. ЛОБАН



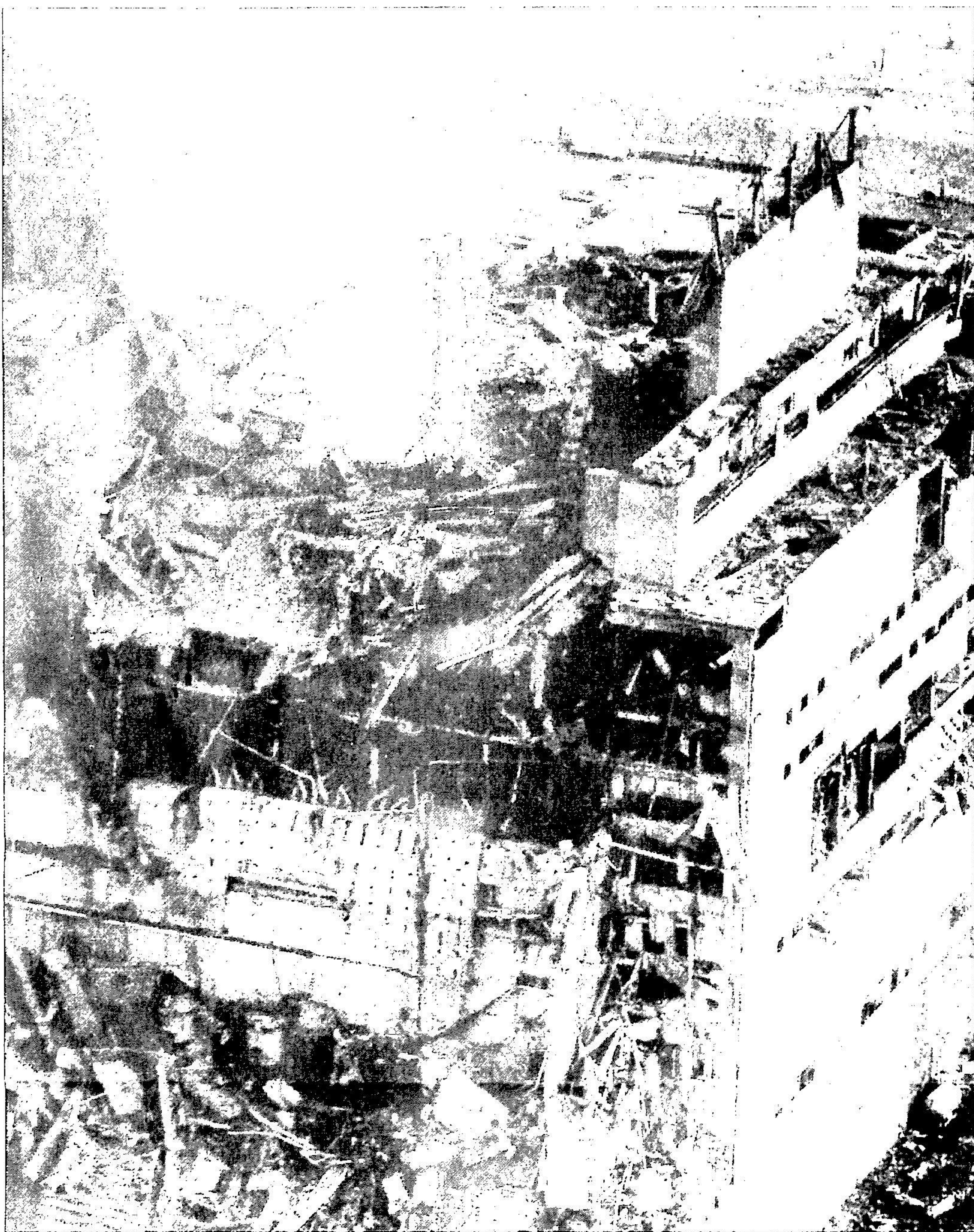


ФОТО БЕЛТА

4-Й ЭНЕРГОБЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС ПОСЛЕ ВЗРЫВА...

Мой горький, мой сладкий Чернобыль

Мой Чернобыль — не полынная горечь, а сладость воспоминаний о безгранично счастливом детстве. Горечь появляется, когда он приходит в мои сны и зовет к себе. Но там, в моих снах, я мечусь по берегу Припяти, полными слез глазами смотрю на сгорающий город моего детства. И парама нет. И брода нет.

Но память всегда найдет брод — через самую полноводную и широкую реку, Реку Времени.

...Наверное, это можно назвать инфантильностью, но до 1986 года я никогда не связывал мой Чернобыль с АЭС. Потом станция казалась чем-то инородным, принесенным с чужой планеты. Не прижилась — рванула! Оставила после себя оплавленный реактор, город, души людей.

Мой Чернобыль — город, где продавались самые вкусные в мире мороженое и казинаки.

Мой Чернобыль — широко разливающаяся по весне Припять, пересечь которую можно было только на пароме.

Мой Чернобыль — дом тети на набережной Юрдыка, у самого подножия горы.

Мой Чернобыль — «свиной» базар, на который, разбудив чуть свет, нас привозил отец, шофер с большим стажем.

Мой Чернобыль — городская столовая, называвшаяся украинским аппетитным словом «ідалня». В ней кормили вкусным борщом и котлетами по-киевски.

Мой Чернобыль — православный храм на самой кромке припятской кручи, где меня крестили младенцем.

Мой Чернобыль — город, описанный Константином Паустовским в обожаемой «Золотой розе».

...В середине 90-х мой младший брат, работавший в Чернобыле на «обслуге» АЭС, отправляясь на вахту, пригласил побывать

с ним в городе детства. Сначала я обрадовался: наконец-то увижу город, по которому соскучился до сердечных колик, пройду по знакомым местам. И не поехал — испугался: вдруг увижу тот самый сгоревший Чернобыль из моих снов.

Моя деревня Гдень расположена на трассе Чернигов — Чернобыль, пересекающей самый южный уголок белорусского Полесья, Брагинского Полесья. В ней до сих пор живут самоселы, в том числе мой отец, тетя Мария, младший брат с семьей, односельчане.

Для них и для меня Чернобыль 1986 года — трасса, пересекающая и разделяющая время на «до» и «после».

Кто изведал вкус потери, тот никогда не избавится от неистребимого привкуса полыни. Но в моей памяти навсегда остается светлым город моего детства — сладкий мой Чернобыль.

Юрий МАКСИМЕНКО